

18+

Влад Костромин
Еще три билета на кино
про это...

Влад Костромин
Еще три билета
на кино про ЭТО...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73115893
ISBN 9785006899155*

Аннотация

В сборник включены три главы из романа-антиутопии «Либерман-яйцеубийца», повествующие о ключевых событиях в жизни главного героя романа – беспринципного вора, мошенника и убийцы Виктора, рассказанные им своей семье во время вынужденной поездки – бегства по таинственным местам детства и молодости Виктора.

Содержание

13. «Но крашу, крашу я заборы, чтоб туняедцем не прослыть»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Еще три билета на кино про Это...

Влад Костромин

Памяти кота Твикса посвящается

© Влад Костромин, 2026

ISBN 978-5-0068-9915-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

13. «Но крашу, крашу я заборы, чтоб тунеядцем не прослыть»

«К середине дня из бедного мальчика, близкого к нищете, Том стал богачом и буквально утопал в роскоши. Кроме уже перечисленных богатств у него имелось: двенадцать шариков, сломанная губная гармоника, осколок синего бутылочного стекла, чтобы глядеть сквозь него, пустая катушка, ключ, который ничего не отпирал, кусок мыла, хрустальная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастика, шесть хлопушек, одноглазый котенок, медная дверная ручка, собачий ошейник без собаки, чертенок от ножа, четыре куска апельсиновой корки и старая оконная рама. Том отлично провел все это время, ничего не делая и веселясь. А забор был покрыт известкой в три слоя! Если б у него не кончилась известка, он разорил бы всех мальчишек в городе» – дочитав, я закрыл книгу. – Прикинь как интересно, – я посмотрел на Виталика. – Он забор красить не хочет, а ему дураки за это разные вещи отдают.

– И что? – Виталик поправил на переносице очки, перемотанные синей изолентой.

Мы были детьми порядком обездоленными, жили между родителями и ювенальностью. Нашу мать из-за этого даже называли «матерью скотов», а нас с братом – Гога и Магога.

«Мои дети – мой скарб, могу творить с ними все, что вздумается» – говорила она. Позиция папаша не сильно отличалась. Хотя мы и были детьми директора, а я еще и с детства отличался пытливостью, живостью и проницательностью ума, но влачили жалкое существование по сравнению со сверстниками и были изначально обречены на бедность. На нас непомерно давила тяжесть беспросветной немислимой нищеты. Нищета, подобно описанной Оруэллом, воспитывала нас, являлась инструментом и средством нашей «перековки». Деревенская среда и кочевая жизнь такими нас сформировали. Это была полоса беспросветного мрака и уныния, озаряемая лишь редкими вспышками радости по поводу удачных краж.

В деревне и школе нас не любили и вообще особой любви со стороны окрестного люда к нам не наблюдалось. Прямо скажем: нажили в округе большое количество врагов. Темный забитый народ не понимал и не принимал нас. В конце девятнадцатого, начале двадцатого веков вся деревня профессионально нищенством занималась, тем и жили. И неплохо жили. Потомки ушкуйников и разбойников. Большая «потемкинская деревня» где за внешним благочинным и местами даже благолепным фасадом скрывалось настоящее крепкое нищенское гнездо, как у вампиров, натуральный веред, как раньше говорили, нарыв еще со времен Ивана Грозного, если не ранее. Во времена оны и сам Кудеяр заглядывал отлежаться и зализать раны. Приют убогих чухон-

цев и база для диких разбойных ватаг. Тут не печки-лавочки и не белые росы. Нерестилище нищих, душегубов, голытьбы, радикальных маргиналов, анархистов и ксенофобов, гнусов, неприкаянных фриков, племенных приспособленцев, бухариков, горьких пропойц, вырожденцев, «вечных студентов», декадентов, трутней; вертеп чудиков и потомственных стукачей. Логово преступников, вертеп греха, разврата и порока. Этакая Содом и Гоморра наших дней в одном флаконе. Всяк суетится, лжет за двух и всюду меркантильный дух, – как писал «наше все» А эС Пушкин в свое время. Здесь с почетом принимали оторви сорвиголов. Нерестилище социальных паразитов, духовный гнойник. Им чужая головушка была полушка, да и своя шейка – копейка. В старых, разумеется, еще Пушкинских ценах. С тех пор инфляция порезвилась, полютовала. За рюмку свои штаны вместе с исподним готовы заложить. Сам Геродот – «отец истории» и он же «отец лжи» и тот бы влип бы здесь в историю. А отец географии Эратосфен вообще бы не мечтал оказаться в этой юдоли скорби. Тут бы надругались и над самим Зигмундом Фрейдом! Тут бы и самих морлоков сожрали за милую душу и не только не подавились, а попросили бы еще добавки. Тут даже шершни летать боялись – их на лету жрали! Такие птерозавры в человеческом обличье, что ни в страшной сказке сказать ни кистью Иеронима Босха описать. «И тянется рука к перу, кастету, вилам, топору...» Никакая власть их с этого удела выкорчевать так и не смогла, здешние места держат

будто бетонные оковы.

Предыдущий директор Серго—Оржон Сталинович Абракадабров повесился прямо в своем кабинете на армейском ремне – не приняла его деревня. А ведь бегал по старой привычке в галифе и форменной фуражке, грозил механизаторам и комбайнерам именным наганом с дарственной надписью от самого наркома внутренних дел Круглова С. Н. но глубокий народ оказался сильнее: укатали Сивку крутые горки. Перед тем, как повеситься, Абракадабров слал и в райком и в обком и в Политбюро письма, что развелась в деревне нечистая сила, с которой нет сладу Советской власти. Говорили потом, я сам слышал, что он не просто повесился, а глаза были выколоты и в каждом торчало по четыре пера скворца... Поэтому и желающих в директора не было, а папаша согласился. И прижал их к ногтю! Тут мы осели и на достаточно долгий срок наш подвижный бродячий образ жизни изменился и застыл. Понятно, что у всего есть, была и будет своя цена.

Ну а мы с Виталиком не были ни старой «золотой», ни нынешней «сливочной» молодежью, а *ad initio*, с самого начала, не смогли полноценно влиться в сложившийся деревенский коллектив и держались нелюдимо и замкнуто, как два мегамизантропа, в поистине средневековом ландшафте, в этой дикости и нищете, терпели злые насмешки здешних жлобов из-за своего происхождения и несли бремя белого человека в этой глуши и были вместе, как Сид и Нэнси, Сид и Нэнси,

как Тигр и Евфрат, как Дживс и Вустер, как Чип и Дейл, как Кай и Герда, как Чук и Гек, как Уотсон и Крик, как Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Я – мозги, Виталик – пакости. «Они пытались нас запугать, но мы были готовы на все» – как сказал Черчилль. Мы были стойкими, как колосья озимой пшеницы не склонявшиеся ни под снегом ни под копытами полевика ни под ногами бегающих мавок и неунывающими как босоногий Гэн из старого японского мультфильма. И не дали переварить себя ненасытному деревенскому чреву, выстояли благодаря нашему врожденному преимуществу и более высокому, чем у деревенской гопоты, интеллектуальному уровню. Свой своему поневоле брат. Нас давили, оправдывая давние антисемитские традиции еще XIII, а то и VII века, пещерный, просто животный антисемитизм, их буквально распирало от ненависти к нам, а мы чувствовали собственное превосходство над невежественной толпой этих глупцов. Подспудно они это ощущали и старались прессовать нас еще сильнее, делали разного рода гнусности, чтобы раздавить и морально сломать. Своей неординарностью мы многим серостям кололи глаза, у многих посредственностей были как кость в горле. Я до сих пор помню пережитые нами в детстве в этих краях унижения, достававшиеся на нашу долю, пока мы были слабосильными. Живи мы в Тюмени или в Столице, отношение местных жителей к нам было бы другое, но мы жили там, где жили. Мы прошли суровую школу жизни.

Папаша наш, подобно отцу легендарного Джона Рокфеллера, пытался развить в нас сообразительность с помощью ремня – безжалостно драл нас за малейшую провинность, по любому поводу и без повода – просто под настроение. Он говорил, что несет тяжкий крест нашего воспитания. Рокфеллер вообще был для него кумиром. Особенно в части бережливости тогдашнего самого богатого человека в Америке. Отец подражал ему по всякому, например, клал на нос что-то съестное вроде кусочка сахара или шматка сала и пытался открытым ртом его поймать. Или даже стакан на носу наловчился удерживать. А то и пытался развлечь нас за обедом пением, напевая песни из американских мультфильмов вроде «Черный плащ», «Утиные истории», «Чудеса на виражах», «Гуфи и его команда» или «Чип и Дейл спешат на помощь». А то еще ставил босую стопу напротив лампы и тенью от стопы изображал различных животных. И все искал какой-то «чеснок предназначения».

Уж скупостью и патологической жадностью своего кумира он точно переплюнул! Тот еще был причиндал. Скупой рыцарь плакал от зависти, глядя на него. Дядюшка Скрудж из мультфильма – тоже. А созданный гением Чарльза Диккенса мрачный скряга Эбenezер Скрудж ему и в подметки не годился. Надеялся сказочно разбогатеть и тоже стать миллионером. «Копи пока молодой, а трать – когда с бородой» – учил он. «Лучше с молодости пояс затянуть да на раннюю пенсию уйти». Не пренебрегая и другими сентен-

циями. Юзал нас с братом и в хвост и в гриву. И каждый вечер скрупулёзно подсчитывал доходы (преимущественно от краж) и расходы (на нас). Спал он урывками и мог в любое время ночи подхватиться и начать чем-нибудь заниматься. Как правило, ведущим, по его мнению, к обогащению. Еще и нас с Пашкой будил в помощь. Его бы неистощимую энергию да в мирных целях – министром бы стал, не меньше.

Мать была натурой деятельной и даже, не побоюсь этого слова, творческой. Мечтала стать актрисой кино и Больших и малых театров. В прошлой деревне, Хлябях, на новый год решила изобразить деда Мороза и лезла в квартиру через балкон на втором этаже. Бдительные соседи приняли ее за вора и вызвали милицию. Новый год мать встретила в отделении. После приезда в деревню, временно лишившись светской жизни, развила неопишемую самостоятельность. Наряжала подростка Виталика в кепку с накладными кудрями и собственноручно пошитую лоскутную рубашку, и заставляла в таком виде ходить по дому, изображая клоуна Олега Попова. Мне отводилась роль Емели в лаптях, онучах, сшитой ею оранжевой рубахе и старых холщовых штанах. Временами, желая нас потешить, мать корчила такие страшные рожи, что Виталик потом ночами от страха не спал. Да и меня мучили кошмары. Никому не доверяла и везде искала подвох. И часто находила... даже если его там и не было.

Ее бабушка была боевиком у эсеров, но вовремя перемет-

нулась в лагерь большевиков и ходила в кожанке и с маузером, увлеченно занималась экспроприациями и строила коммунизм. Особа монструозная. Ездилa на бронепоезде, курила турецкие сигареты и трубку, жевала и нюхала табак, пела хриплым голосом «Яблочко», аккомпанируя себе на старой гитаре, принадлежавшей когда-то графу Шувалову; играла на изъятой у политзаключенного скрипке (еще хуже, чем на гитаре); гадала на картах Таро (колода досталась нашей матери в наследство) и материла Мейрхольда. Яростно играла в шашки, однажды даже сломала игровую доску об голову нашего папаша. Четыре раза была замужем. Что-то мать от бабушки взяла – временами казалось, что она готова всех расстрелять не дрогнувшей рукой. Деревенские дети в ней эту готовность подсознательно чувствовали и побаивались ее. Мать обожала высмеивать окружающее нас деревенское общество.

Потом матери надоело с нами возиться. Мелковаты масштабы были, и она стала принимать самое активное участие в работе местного драматургического кружка, ею же и организованного в клубе. Однажды зимой ставили написанную матерью мистическо-любовную пьесу «Охотники за призраками вампиров». Мать, играя ведьму, воруящую с неба месяц и звезды, так вжилась в роль, что выходя из клуба после спектакля, полезла на бетонный фонарный столб и попыталась зацепить в сумку настоящий месяц. Свалилась со столба в смёрзшийся снег и поломала левую ногу. Вот

какое глубокое было погружение в роль! Все пьесы, вроде «Ужасы Костомаровки», «Вампир из Гундяевки», «Оборотни из хрущев», «Маньяк, каркадэ и зодиак», «Ведьмы и Тони Блэр», «Упырь из Венеции», «Парторг с нашего кладбища», «Беспартийный вампир», «Каналья с Салтыковки», «Гамлет, упырь датский», «Муха – потаскуха», «Мещанин на погосте», «Мертвые суши», «Женитьба препарированного», «Митрофанушка: горе и сума», «Павлик Морозов – сибирский вампир», «Онанист из городского морга», «Ах Самара – городок, беспокойная покойница», «Ленин, охотник на вампиров», «Письмо Онегина смутьянам», «Али – баба и сорок развратников», «Отряд не заметил потери конца», «Смерть от ума», «От сумы до могилы», «Вырвиглаз, друг индейцев», «Дрочила из Бронкса», «Викарий из вивария», «Грязные мысли левой груди», «Девятое помидора», «Золушки Юрского периода», «Гоголь – моголь Мценского уезда», «Кровь на черных помпонах», «А шатун шатается», «Поющие в муравейнике», «Доктор Айболь», «Чудовище с стеклянными глазами», «Бог подаст», «Жмых», «Двуногий рождественский гусь», «Огневушка – потаскушка», «Троянский кот», «Пес Барбос и медный купорос», «Песнь песней Гиперионовых», «Есть одна награда – морг», «Ведьма – эклер», «Любовь к двум бабуинам», «Барби хочет в Тамбов», «Курочка Баба» «Мертвые тоже платят», «Женитьбы бальзамированного», «Старики – развратники», «Джек Восьмеркин, корсиканец», «Валенки, для!», «Дочь болотного хмы-

ря», «Молчание котят», «Кризис ежа», «День башмачника», «Дума о колпаке», «Муха – потаскуха», «Тысяча и один черт», «Гримаса судьбы или Унылый импотент Ипполит», «Пень знаний», «Отец – изгой», «Госпожа Чернобурская», «Света с того света», «Глупец-скупец», Габардиновый черт», «Карлсон, приживала с крыши морга» она сочиняла сама. Первой же ее пьесой была «Придет серенький волчок» про сбежавшего из зоопарка волчонка – людоеда, пожиравшего нерадивых октябрят и отрыгивающего октябрятские значки перед памятником Ленину. Временами она даже плакала от наслаждения собственными творениями.

Брат мой был на морду глупый, но хитрый, – так судачили про него деревенские старушки. И хотя брат был слегка не в себе – человеком кургузеньким и запуганным, но при этом весьма себе на уме, пройдоха, хитёр как сорок тысяч енотов и повадками напоминал матерого хоря. А еще, как матерая сорока, падок на чужие вещи, почти как папаша. И еще был наделен какой-то звериной просто хитростью и был опытным хитрованом, прожжённым интриганом, он был своего рода ассистентом в вопросах освоения жизненного пространства, недоделанным Гекельберри Финном при Томе Сойере – мне. Если брат что-то вбивал себе в голову, то пытаться переубедить его было бесполезным делом. «Колом не выбьешь», – как говорила мать. – «Младший наш с виду дурачок, но пройдоха ловкий». Была у Виталика помимо метафорического шила в заднице странная привычка. Спря-

чется под столом в прихожей и норовит якобы невзначай под стулом, на котором сидят, прошмыгнуть. А то вдруг метнется, нырнет мимо ног, выскочит на веранду и поминай, как звали. Из-за свисавшей почти до пола скатерти, украденной папашей, его было не видно, и он часто подслушивал разговоры матери с подругами. Это еще не самая большая его странность: одно время он жил в картонной коробке из-под телевизора и прятался от чужих в большом чемодане. Потом, когда коробку папаша сдал в макулатуру, а чемодан продал заезжему командировочному, чей чемодан с вещами перед этим сам же ловко и умыкнул, Виталик стал спать под своей кроватью, думая, что там он будет в большей безопасности, чем если спал бы на ней.

Заборы Виталика интересовали лишь в той мере, что мы их по ночам по всей деревне воровали – на дрова. По ночам мы шныряли по деревне, ища возможность пожить за чужой счет, и целые пролеты снимали. Заборы тогда почти у всех были одинаковые. Асбестовые столбы с прямоугольными отверстиями, в которые продеты длинные прожилыны, с набитым на них штакетником. Снимали заборный пролет и незаметно несли домой как топливо для приготовления харчей свиньям. Мать так велела, опасаясь, что зимой мы можем замерзнуть, категорически запретила нам использовать на эти цели хорошие дрова. Своими заборными кражами мы вселяли страх и трепет в жителей деревни, но поймать нас за руку никто не смог. В кражах для нас тогда был

raison deter, как говорят французы, смысл существования.

– Что непонятного? Покрасить забор не трудно, с этим даже debil справится. А вот покрасить забор и на этом заработать... это не всякому дано.

– И как это сделать? Как заработать?

– Том красит забор, который не хочет красить. Мимо идут дураки. Они хотят красить забор, и дают за это разные вещи. Что непонятного?

– Почему они хотят красить забор?

– Ну... – я задумался. По правде, этот момент мне тоже был непонятен.

– Если Том не хочет красить, почему этот, – брат открыл записную книжку и прочитал, – Бенброджерс отдал ему яблоко?

– Не знаю, – я пожал плечами.

– Но, с другой стороны, – рассуждал Виталик, – в книжке же брехать не будут?

– Вроде нет...

– Давай и мы так попробуем.

– Забор покрасить? Забор на дорогу выходит, по ней шляются все. Дураков у нас в деревне много. Если начать красить, кто-нибудь да увидит...

– И попросит покрасить? – глаза брата загорелись жадным огнем.

– Посмотрим.

– Надо бы нам забор покрасить, – будто невзначай сказал я за ужином.

Предки мои были теми еще невротиками, надо вам сказать. Мать, оторвавшись от написания черно-юмористической пьесы «Джек и в чан», сосредоточенно делила холодное, сваренное из остатков ухи с желатином и обжаренной на сале морковки. Холодного получилось много, в основном за счет морковки. Благо, морковки было много – родитель три мешка спер в совхозе. Папаша, глотая слюну, ожидал свою повышенную порцию и подсчитывал доходы и расходы за прошедший день.

– Не глуми ты мне голову, а то еще поделю не так. Холодного должно до конца недели хватить.

– Забор? – папаша уставился на меня такими глазами, будто увидел говорящий стол. – Покрасить? Забор... это самое... покрасить?..

Папаша был ловкий и хвастливый, любил прибрать, что где плохо лежало. Жох еще тот, как говорила мать. Пуритане и спартанцы вполне могли бы брать с него пример. Бережливость была его единственной добродетелью. Он, оправдывая серебряную медаль за куроводческую выставку в Париже, часто ходил по деревне и определял носких куриц: осматривал гребни, выискивая яркие красно-пунцовые; уши белого цвета; красные веки. Если куры у кого-то не неслись, то советовал кормить птицу мелко рубленными дождевыми червями или мясными отбросами. Еще умел отличать по ши-

рине головы и твердости клюва, длине шеи и форме груди и поведению молодых гусей от гусынь. Он уверял, что гуси отличаются осторожностью и постоянно озираются, ища подвох, в отличие от спокойно пасущихся на травке гусынь. Учитывая, что по кражам гусей отец давно перещегоолял Паниковского из «Золотого теленка», мы ему в этом верили.

– Перегрелся, – мать встала с табурета, подошла, положила ладонь на мой лоб, – напекло на солнце. Говорила же, надо шапку носить! Вон Витальку, небось, не напечет.

Брат носил кепку с накладными кудрями, оставшуюся от костюма львенка. Изнутри кепка была проложена толстой алюминиевой фольгой – для защиты от излучения психотропного оружия, модной в те годы всплывшей на мутной волне «гласности» темы.

– Кать, погоди, не гони волну. Как ему может напечь, если у него фольга в кепке? Она теплоотвод, как радиатор действует. Так что ты там про забор, гаврик?

– Покрасить... надо... – смутился я.

– Вот те на! – Хлопнула она ладонью себе по лбу. – Мы штопали, штопали и наконец заштопали! Дурь, – мать вернулась на табуретку, – никто заборы не красит. Даже чучундрики, как вы.

– Современную молодежь просто так не поймешь, – наставительно заметил папаша. – Оболтусы они и есть оболтусы. Сзади Федя конопатый приближается с лопатой. Кто же он на самом деле, маляр или человек? Если я вдруг возьмусь

забор красить, то злобно нарушу принцип надеяния.

– Лобаниха говорила... – внезапно пришел мне в голову весомый аргумент. Мать постоянно соперничала с соседкой.

– Лобаниха?! Вот же сплетница! – мать хлопнула ладонью по столу. – До всего ей дело есть! Та еще жимолость и землеройка!

– Назвать ее землеройкой значит проявить к землеройке крайнюю степень неуважения.

– А за что ее уважать?

– Тоже верно, – подумав, кивнул папаша.

– Ондатра чукотская! Чувырла дикая! Мокрица! Прелюбодейка! Лахудра! Просвитра! Жимолость ей в задницу!

– Физиономия нелицеприятная. Внушающая определенные опасения. – Благодушно кивал папаша, успевший пропустить перед едой пару стаканчиков молдавского коньяка «Белый аист». – Птица явно недружественного по отношению к нам полета. Но при этом человек ничтожной величины, плюнь на нее и тьфу – нет никого.

За пару месяцев до того на повороте, где мы с вами встретили Брутова, сошла с трассы фура с молдавским коньяком. Разбившегося водителя увезли в Дробовку в больницу, а фуру мы разграбили, оставив только битое стекло, так что запас коньяка у родителя был большой.

– Володь, а Володь, надо забор бы покрасить... – проникшись нашей идеей, заканючила мать.

– Зачем, это же не хижина дяди Тома.

– Но надо...

– Мне некогда, – папаша отхватил шмат сала, и начал ожесточенно его грызть. – Сама покрась.

– А мне есть когда?! – всплеснула руками. – Ношусь тут с вами, как ворона с сорокопугами!

– Я занят.

– Володь, я пашу как трактор в условиях Крайнего Севера! Имею я право жить с покрашенным забором?!

– И?

– Это и енотов – трупоедов и кошек – вурдалаков отпугнет...

– У нас же нет трупов?! – едва не поперхнулся холодным папаша.

– Сегодня нет, а завтра... Сам знаешь, от костлявой зарекаться нельзя... Да еноты – трупоеды – это тебе не крошки – еноты, и сами могут спящих душить, – добивала мать супруга. – Особенно выпивающих... И тех, кто блины любит – от блинов мясо слаще и вкуснее становится...

– Я думал, в кошек ведьмы обращаются? – спросил Виталик.

– Обычно – да, – ответила мать, – но в здешних краях водятся и особенные кошки – вурдалаки, с ведьмами не связанные. Их легко отличить – у них по два хвоста, как у лисиц – оборотней.

– Развелась пакость! – Раздраженно сплюнул папаша и помотал головой, будто пытаюсь извлечь после купания воду

из уха.

– А енотов – трупоедов как отличить от обычных?

– Это легко: во-первых, они жрут трупы; а во-вторых – горбятся. Так что если увидишь горбатого енота, обгладывающего чью-то лодыжку, то не ошибешься.

– Полная пакость! – Папаша гулко хлопнул ладонью по столу.

– А есть еще и кроты – вампиры... – напомнила мать. – Вон, пенсионерку Сидоркину до смерти в огороде высосали...

– Неча ночами по огородам шляться, – буркнул папаша. Сам он даже днем в нашем огороде был гость нечастый. – И колья не надо лениться вколачивать... Сама через свою лень и утрату бдительности лютую смерть и приняла.

– Говорят, это соседи у нее колья то повытягивали...

– Не пойманы – не воры! – отрезал папаша. – Послушаешь местных сплетниц, так вокруг сплошь Джеки – потрошители, а на самом деле, по большей части, милые и отзывчивые люди.

– Собутыльники твои, – ехидно усмехнулась мать. – Отзывчивые.

– Вот же пакости поразвели по округе, – папаша досадливо швырнул вилку на тарелку, – шагнуть некуда: или трупоед или падальщик или змея в короне. Короче, надо покрасить, если это поможет сохранить наш мирный сон. А точно поможет?

– Поможет, не переживай. Веками проверенное средство.

– Мы можем его покрасить, – пискнул Виталий.

Мать замолчала, папаша перестал жевать и задумчиво посмотрел на «педагогику» – лежащую по правую руку большую деревянную ложку, которой он частенько воспитывал, долбя со всей дури нам с Виталькой по лбам.

– Что? Ты? Сказал? – родитель, по-удавьи протянувшись по столу, навис над Виталиком.

– Мы покрасить можем...

– Ты всегда такой дурак, по субботам или как? – процитировал папаша. – Кать, ты слышала? – Он вернулся к салу. – Этого тоже напекло. Этот клоп и тот готов покрасить, а у тебя времени нет. Забор и русалка они, если честно, не пара, не пара, не пара... – Пропел он.

– Тебе лишь бы русалку голую. – Чопорно поджала губы мать. – А тут дети с ума от безделья сходят.

– Вот от безделья работа и есть лучшее проверенное средство. Как в армии: не доходит через голову, будет доходить через руки и ноги. Армия, и по сей день, не взирая на вылитые на нее в гласность ошалевшими от либерализма «желтыми» СМИ потоки грязи – школа жизни, плохому не научит.

– Тоже мне, солдат Яшка – Красная рубашка. Справятся ли наши Бобы Белоручкины?

– Как говорится: все способные держать оружие – а кисточки легче держать, чем оружие. И отдачи у кисточек нет, в отличие от АК – 47 или там 74. Наши уранит с гум-

митом вполне способны на такой трудовой подвиг. Это же не в «Сбей бульбу»¹ играть, на неустойчивом бревне сидя.

– Вот пусть Виталий и красит, тросточку ему в жопу! И только попробуйте не покрасить, падлы!

– В целом мысль замечательная, снимающая кучу вопросов и внутренних противоречий. Будем считать, что консенсус нами достигнут и он необычайно укрепился. Физический труд живо выбьет всю дурь и муть из их мозгов, – благосклонно кивнул папаша. – Устранит основу для шатания и разброда. Гвоздь программы: весь вечер на арене цирка скромные маляры – тимуровцы. А что, не только воровать заборы наши огольцы, наши братья – разбойники способны, но и красить! – Воспрянул духом папаша, видя, что работать ему не придется. – *Per aspera ad astra!* Не оскудело еще семейство наше мастерами!

– Паскудело! Тут наверняка какой-то подвох! – Сомневалась от природы мнительная и недоверчивая мать. – Явно какая-то собака зарыта, я чувствую это!

– Расслабься, Кать, просто от безделья дурью маются. – Зевнул папаша. – Энергии много, а «Зарницу» отменили, вот и все дела.

– Делом их занять надо! – Злобно зыркнула на нас с Виталькой мать. – Совсем обленились, спят до выперду.

– Вот и пушай займутся покраской забора. Все какая-никакая, а польза с них семье будет.

---

¹ Старинная белорусская игра.

– Будет ли?

– Вообще, прецеденты окраски заборов детьми существуют – возьми хоть того же Тома Сойера или Тимура и его команду.

– Что же, и Тимур заборы красил? – Удивилась мать.

– Доподлинный факт. – Убедительно кивнул папаша. – Мне Гайдар сам про то сказывал.

– Ну-у, тогда ладно...

– Слышала о горбунах мироздания?

– Нет...

– Вот видишь?.. Это тайна...

– Совершенно свихнулся... – Мать осуждающе покачала головой. – Так что им с забором делать?

– Единого мнения пока нет, надо поразмыслить...

– Так поразмысли, что время тянешь!

– Любезные мои чада, даю вам соизволение свое на покраску забора во славу мою и рода моего. Аминь! – Церемонно кивнул нам папаша.

– Святой Мефодий Олимпийский вам в помощь, – поддержала его мать.

– Опять же, не Бог, а труд создал человека! – Продолжал родитель.

– Володь, что ты городишь?

– Обезьяна, взявшая в лапу палку или, в нашем случае кисточку, вполне способна стать человеком! – Пафосно вещал папаша.

– Володь, а как же Виталик?

– А что с ним не так?

– Он же мелкий, падла, он же будет там прыгать возле забора, как Пятачок в мультфильме.

– Ни чо, стремянку возьмет – заодно равновесие потренирует.

– А краска? – спросил я.

– С краской и дурак покрасит, даже батя ваш бы справился. Ты покрась без краски.

– Прояви смекалку, – папаша погладил меня жирной рукой по голове, вытирая ее об волосы. – Я в вашем возрасте краску у родителей не клянчил. Мозгами работайте, дети мои. Только красьте не водянисто, – дал родитель последнее напутствие, – а то люди подумают, что малевали онанисты, ха-ха-ха. Хобот слону надо заворачивать по кускам.

– А кисточки?

– Может тебе еще кисть мастера Безенчука подогнуть, ха-ха-ха – от души веселился папаша. – Или ту, которой сам Сальвадор Дали творил?

– Ну их, Володя, – Покачала пальцем мать, – а то уши себе отчекрыжат, как Дали.

– Ухо – это Ван Гог себе откромсал, а Дали просто спился абсентом.

– Хрен редьки не слаще. Мозги включайте, как батя учит.

– Главное, в субботу не краскоблудьте – Тору надо чтить.

Мозг мой после такого напутствия усиленно заработал.

– Надо на стройке взять, – сказал я, когда мы с Виталькой ночью шарились по деревне, присматриваясь, чей забор утащить на дрова. – Там же должна быть краска?

– А строители? – пугливо оглянулся брат.

– Дверь подопрем, они не выйдут. А где склад, я видел.

Мы подошли к строящемуся детскому саду. Тихо подкрались к вагончику, в котором жили когда-то обворованные мною и Володькой Шеппе строители, подперли дверь подходящим брусом. В темноте нашли какие-то жестяные банки. Довольные, поволокли добычу домой.

– Ну что, маляры – обойщики? – подтрунивал над нами папаша, хлебая чай за завтраком. – Нашли краску?

– Да.

– Где?

– В детском саду...

– Не своруешь – где возьмешь! – Похвалил он. – Коли есть сноровка, то не нужна и коровка. Если варит котелок, то упрешь и оверлок. Всех денег не заработаешь, что-то придется и украсть. Чем больше уворую я, тем меньше украдет начальство. Уважаю: серьезный подход. Чувствуется, что крепкое дело делать собираетесь, а не говноляпки лепить. А красить вы чем думаете?

– Руками? – насторожился Виталик, чуя подвох.

Родитель присвистнул.

– Володя, не свисти дома – денег не будет! – вскинулась мать.

– С такими наследниками у нас денег не будет, хоть сви-
сти, хоть не свисти, хоть ложись да помирай.

Коньяк «Белый аист» в чае сказывался – папашу тянуло
поговорить.

– Володь, не каркай! – оборвала мать. – Не хватало еще
тебя хоронить. И так денег нет, а там и на гроб, – начала
загибать пальцы, – и на поминки и на музыкантов и на пла-
кальщиц.

– Музыканты мне не нужны, – кочевряжился папаша. –
Я меньше чем на Муслимушку не согласен. Ну, или, на худ-
дой конец, Колу Бельды. Увезу тебя я в тундру, увезу тебя я
в чум, – заголосил он.

– Володь, не ной, без тебя тошно.

– Хорошо, если вы не цените прекрасное, я умолкаю, – он
встал из-за стола и раскланялся. – Не стоит аплодисментов,
удаляюсь на работу. Виктор, пошли, выдам вам, раздолбаи,
кисточку, от щедрот своих оторву.

Мы пошли в мастерскую.

– Как знал, специально на заводе прихватил, – протя-
нул мне большую круглую кисть. Природная вороватость
папаша явно шла на пользу нашему коварному замыслу. –
Есть еще поменьше, но вам и такой хватит. Если умудритесь
не поломать за день, то подумаю.

Родители ушли на работу. Мы, вскрыв банку, в задумчи-
вости стояли перед забором.

– Начинай, – не выдержал брат.

– Что начинать? Нет же никого.

Я обмакнул кисть в краску, провел по доске.

– Выйду на дорогу, посмотрю. – Виталька сквозь редкую посадку выбрался на дорогу.

Я красил доску. Непонятно, что в этом такого.

– Нет никого, – вернулся брат. – Я пойду Моргуненку позвоню, позову в футбол играть.

Шурик Моргуненок был его лучший приятель, такой же шалопай и тоже паренек со странностями, корчивший из себя таинственную личность. И умение шевелить ушами и носом было не самой большой его странностью. Напротив, это умение служило развлечением сначала на детсадовских, а потом и школьных унылых праздниках. Хотя, в то суровое время и эрзацы типа Yupi, Zuko, Invite, чипсов Pringles и лапши «Досирак» и прочих «Сникерсов» с «Марсами» и «Баунти» были пределом мечтаний для детворы. Хорошо, что всяких «Мистеров Сидров» тогда не было, впрочем, были спирт «Ройяль» и водка «Белый орел». Еще он любил прятаться в старую детскую коляску, стоящую на улице и пугать прохожих, в нее заглядывавших. А также часто спал в конуре, оставшейся от сдохшего в результате неудачно проведенной старым ветврачом кастрации кобеля по кличке Мухтар. До нашего появления в деревне он тоже влачил довольно жалкое существование. Что не удивительно для пациента с практически нулевой эрудицией и опытом, полученным из кинофильмов и телесериалов. А такой опыт, почерпну-

тый из таких источников, он даже не нулевой, а величина сугубо отрицательная. Короче, Шурик был достоин дружбы с Виталиком. Познакомились они тогда, когда Виталик, одетый в кепку с накладными кудрями, гулял по саду. Хорошо хоть мать разрешила ему не носить накладной красный клоунский нос, а то бы совсем был мрак. Однажды в саду вокруг нашего дома, мы встретили слегка рахитичного темно-волосого пацаненка с большими темными глазами, немного скошенным ртом и шевелящимся носом, по виду ровесника Виталика.

– Пэцики, я угадаю эту мелодию с трех нот! Здорово! – поздоровался он.

– Здравствуй, – ответил я, а Виталик из боязливости и вредности промолчал.

– А можно я буду с вами дружить? – помявшись, спросил пацаненок, с надеждой глядя на нас.

Мы с братом переглянулись. Как-то раньше никто нас о таком не спрашивал, и мы не знали, как отвечать на подобные предложения.

– Меня Шуриком зовут, – по-своему расценил он наше молчание.

– Виктор, а это Виталий, – ответил я.

– Я сейчас! – Шурик внезапно кинулся бежать в сторону лесопосадки, отделявшей сад от деревни.

– Чего это он? – заинтересовался брат.

– Не знаю.

– Псих какой-то. Тут все такие! Может что-то злое задумал? Давай отсюда уйдем.

– погоди ты. Мы его сильнее и нас двое. Что он нам может сделать? Давай подождем.

– А если он целую толпу приведет?

– Ну... это будет нечестно...

Мы задумались над нечестностью жизни. Из тянущейся вдоль дороги лесопосадки выбежал Шурик, сжимая в руках картонную коробку из-под макарон и баклажку.

– Вот!

– Что это? – подозрительно поинтересовался Виталик, впервые подав голос при Шурике.

– Принес! – Шурик вытряс из коробки на ладонь ароматно пахнущее чесноком крупно нарезанное сало с толстыми прожилками розового мяса. – Для друзей! Берите!

Мы переглянулись, я протянул руку, взял кусочек, положил в рот и стал жевать. Брат напряженно следил за мной. Сала ему хотелось, но он опасался отравления и ждал, чем закончится. Сало было вкусным, и я взял еще. Шурик тоже присоединился ко мне. Мы стояли и жевали, а брат все смотрел на нас.

– Виталья, попробуй, вкусно, – предложил Шурик.

Брат промолчал и демонстративно отвернулся.

– А там что? – спросил я, показав на баклажку.

– Кисель овсяной. Он хороший, с похорон бабы Клавды остался. Пейте на здоровье.

Шурик протянул мне баклажку, я осторожно отпил жидкое кислотоватое месиво. Много не выпьешь, но терпимо.

– А он всегда так ходит? – указал пацаненок на кепку с накладными кудрями, красовавшуюся на голове брата.

– Это от радиации, – с ходу соврал я, к месту вспомнив про защищающую от психотропного оружия вставку из фольги внутри кепки. – Радиация это такая гадость, которая всегда с тобой.

– Помогает?

– Защищает...

Не рассказывать же первому встречному, что кепку сделала мать на новый год и с тех пор заставляла ее носить, чтобы Виталику не напекло голову. Спасибо что хоть костюмы новогодние не заставляла одевать ни его, ни меня.

– А волосы на кепке зачем? – не унимался любопытный.

И то правда, в этом глухом углу любой чудик был в новинку и вызывал интерес, что уж говорить про кепку с накладными волосами? Такой ив городе в те времена мог привлечь внимание.

– У него просто скальп индейцы сняли, – продолжал врать я.

– Ого!

– Вот тебе и ого.

– Все, теперь мы друзья до гроба! – расплылся в щербатой улыбке Шурик. – Я там по улице дальше живу, – показал рукой в сторону посадки, – Моргуненок я, по уличному.

Найдете, если что.

– Там? – уточнил я, показав в сторону посадки.

– Да, наш дом за Колькой Лобаном, который батю вашего возит. Мне пора, а-то надо за братом младшим смотреть. Побегу, – кивнул нам на прощание и вновь побежал в сторону посадки.

– Правда, вкусное было? – жадно спросил брат.

– Да, – я разжал руку, демонстрируя припрятанное сало. – На, ешь.

Он с жадностью набросился на редкое лакомство.

– Вкусно. А как кисель?

– Терпимо.

– Не боишься, что он нас отравит этим киселем?

– Зачем ему это? Он нас первый раз видит, зачем ему нас травить?

– Вдруг он маньяк? Вроде как Чикатило. Псих?

– Да ну тебя! – Отмахнулся я. Порой Виталика сильно заносило. – Тебя послушать, так все желают нас убить!

– Тут народ странный, чужих не любят, а мы чужие.

– Ты сильно драматизируешь. Никто нас не будет убивать.

– Поживем – увидим. – Насупился братец.

После того, как Моргуnenок притащил нам из дома сала, они подружились. Позже выяснилось, что отец Моргуnenка лежит в психушке: вернувшись однажды из леса, вырезал себе лезвием секатора на лбу коптский крест и отрубил тяпкой стопу своей любовнице Светке – продавщице из мага-

зина, а потом пытался убить жену топором, гоняясь за ней по всей деревне. Когда его с трудом скрутили, рассказал, что встретил в лесу лиловую, мордой похожую на Мартина Бормана, говорящую змею в золотой короне с восьмью зубцами. А со змеей был лиловый скворец в надетой на шею золотой цепи из восьми колец и с девятью золотыми кольцами на когтях. Но скворец ему ничего не сказал, только кивал в такт змее. Якобы змея рассказала ему про измены жены и любовницы и приказала их наказать за разврат. После разговора змея собралась в подобие колеса, взяв хвост в пасть, и укатила по своим делам. Все кричал, что лесничество развело в лесу нечистую силу. После таких диких рассказов, что вполне естественно, отправили в учреждение закрытого типа. Тем более было непонятно, зачем он с тляпкой в лес пошел? Сам он этот скользкий момент объяснить никак не мог.

Старшего Моргуна его и до того случая считали странным и прозвали Безумным Шляпником: он носил мятую шляпу с воткнутым в нее большим вороньим пером в любую погоду, с любым прикидом, и не снимал ее даже ночью. Понятно, что шляпа выглядела так, будто ее из жопы достали.

Да и сам Шурик тоже был слегка того, неотесанный и невежественный, например, весь год собирал остриженные ногти в пузырек, а потом, по весне, разбрасывал их на огороде на грядках. Потом он начал собирать пачки сигаретные и клеить их на стену. Всю стену в комнате от пола до потолка заклеил. Сейчас бы его наверняка назвали гиперактив-

ным, а тогда про него наша мать говорила, что «у него шило в жопе». Кстати, после того, как главу семейства упекли в психушку, в доме у них стало что-то тикать в углу и тикало почти полгода. Моргуниха даже батюшку со святой водой из Дробовки приглашала, не помогло. Люди шептались, что это змея знак подает, но непонятно какой.

Брат ушел в дом. Зеленая краска ложилась на доски, забор получался какой-то убогий. Вернулся Виталик.

– Позвонил, сейчас придет.

Моргуnenок жил неподалеку, через дом от нас. Минут через пять он явился в шапке с воткнутым цветастым петушиным пером и с луком через плечо. На боку болтался сшитый из старого полосатого половика колчан с десятком стрел из тростника.

– Чего это ты вырядился? – удивился Виталик.

– Я Робин Гуд, в чем скоро убедится твой презренный труп!

– Еще один чокнулся, – брат покрутил пальцем у виска.

Тогда по телеку шел сериал «Робин из Шервуда» и Моргуnenок подхватил оттуда мем. Случались у Шурика болезненные расстройства психики на фоне просмотра телевизора. Прошлый раз он старательно изображал Д, Артаньяна и трех мушкетеров. В одиночку... Бегал в черной шляпе, склеенной из картона, с петушиным пером и куске брезента на манер плаща. А перед этим – гардемарин: скакал с деревянной шпагой с гардой из жестяной баночной крыш-

ки и кричал «гардемарины, вперед!», пока не споткнулся и не выбил себе этой шпагой зуб. А потом – Ивана Васильевича: бегал по ночам по деревне и голосил «Паки херувимы» и «ключница делала». А потом – индейца – бросал топор и однажды едва не отрубил левое ухо своему младшему брату. А «приключения Электроника», когда он голосил на улице ночами «Ури, Ури, где кнопка?!» и спал только в большом чемодане. Легко внушаемый телевизором и инфантильный был пацан, обладающий мозгами новорожденного ребенка. Хорошо, что тогда эротику по телевизору не крутили, иначе страшно представить, что Моргуnenок мог бы натворить... Когда он позже Кинг-Конга в собачьей дохе, украденной Виталиком у тогдашнего завклуба Льва Исааковича Шендеровича ночью изображал, то одну старушонку едва заикой не сделал, а дед Михейкин – Колгановский в него из ружья шандарахнул, хорошо, что дробь по беспамятности мелкую зарядил, а то бы убил недоумка. Как говорил про него наш папаша: «Лучше бы ему было остаться в противозачаточном состоянии». Короче, Моргуnenок, готовый быть даже гороховым шутом лишь бы ублажить местных лоботрясов, стоял на низшей ступени эволюции и довольствовался ролью мелкого затюканного прощелыги, жадно хватавшего крошки со стола сборища вороватых весельчаков – всех тех, кто стоял выше его в сложно структурированной деревенской иерархии. Только под нашей эгидой замученный и полу-затравленный подросток смог стать кем-то большим,

чем банальный шевелитель ушами на потеху неприязнительной деревенской публики, став нашим рыбой – прилипалой. Но об этом я вам поведаю позже. Возможно.

– Здорово, чего тут?

– Вот, – Виталик показал на меня.

– Что?

– Вот, красим...

– Зачем? – удивился Шурик. – Заборы же никто не красит.

– В городе красят, – сказал я.

– В городе? – Шурик почесал затылок. – Так-то в городе...

– На кладбище тоже красят, – нашелся Виталик.

– На кладбище ограды, – начал спорить Моргуnenок. –

Ограды это совсем другое дело, они чтобы мертвые не ходили, а забор, чтобы живые и собаки не лазили. И вообще, ограды только на нашем кладбище, больше нигде нет.

– Это потому, что везде в округе наши деревенские ограды снимали, – объяснил я. – А на своем кладбище их почти не снимают.

– Значит, вы в футбол играть не будете?

– Не можем, мы красим, – сквозь зубы ответил я.

– А то может в Робин Гуда? – Шурик с надеждой заглянул

Виталику в глаза.

– Робин Гуд был разбойником и грабителем, а мы честные люди! – отрезал Виталик и подмигнул мне.

Да уж, мы были кем угодно, только не честными и законопослушными гражданами. Но воной всему родители и же-

стокое окружение. Помести нас в другую среду, глядишь, мы бы стали совсем другими.

– Пэцики, а вы бы пошли со мной в разведку?

– Дурак что ли? – Виталик, подражая матери, выразительно покрутил пальцем у виска. – С тобой только в психушку к твоему бате попасть можно, Штирлиц ошипанный. Чмо маринованное!

– Я знаю, где в лесу поляна, на ней святилище, как у настоящих друидов. – Моргуnenок сделал вид, что не обижается.

– Там есть звезды, земляника да кости? На поляне. – Спросил я.

– Земляники и костей там полно, – уверенно заверил Моргуnenок. – Завались просто.

– Нас эта ерунда не интересует, – отрезал Виталик.

– Там можно как Робин Гуд приумножать свое богатство. Хватит нам прозябать в бедности!

– В тупости ты прозябаешь! – Огрызнулся Виталик, привыкший вертеть Шуриком как марионеткой и не любивший, когда приятель вдруг начинал проявлять инициативу. Как правило – дурацкую, но чего еще ожидать от забитого деревенского подростка помешанного на телевизоре и по своей внутренней сути мало отличавшегося от одноклеточного. – Зачем тебе богатство?

– Тогда можно и в школу не ходить, если у нас богатство будет...

– Говна у тебя в голове, а не богатство будет! Откуда ты про нее знаешь? – лениво поинтересовался Виталий.

– Мне батя рассказывал. Он, пока его в дурдом не упекли, ходил ее пропалывать.

– Ку-ку, – Виталий жестоко покрутил пальцем у виска, – кто в лесу полет?

– Ему Бог приказал так делать.

– Чудила, со змеей разговаривает. – Виталий щепетильностью и деликатностью по отношению к приятелю не страдал, считая его мелким шнырем у себя на побегушках.

– С ней многие разговаривали в деревне.

– Не глуми голову, – отмахнулся брат. – Красим мы! – не обратил тогда внимания на друидов Виталий.

Я тоже. А зря...

– Там и Гарус на ней кончился...

Мы промолчали.

– Там даже питона видели? – предпринял Моргуненок последнюю попытку заинтересовать приятеля.

– И что? – Виталий презрительно посмотрел на него. – Зачем нам это «В мире животных»?

– И анаконду...

– Не брещи, анаконды в Америке! Ты, как батя твой, тоже на змеях помешался!

Говорю же, деликатностью в отношении Моргуненка манеры брата не отличались.

– Тебя самого скоро в дурку заберут!

– Там дубы – колдуны есть...

– Сам ты дуб, Шурик! Не хочешь помогать, нытик, так проваливай, не путайся у нас под ногами. Что под руку пялишься?

– Тогда ладно, я пойду.

– Свали ты уже наконец! Ты – желтопузый дятел! Своим нытьем ты нам не поможешь!

– Вечером на скот придете?

– Куда мы денемся? – вздохнул я.

– Авоську себе купи, чудило! И землянику с костями в нее собирай на своей поляне. Пока в дурку к бате не заберут, псих! Давай, не кашляй!

– До вечера, – разочарованный мелкий нарушитель спокойствия ушел.

– Не попросил, – Виталька пометил что-то в записной книжке, сорвал с березы веточку и начал жевать. – Падла! Галантерейщик! Гаврила! Козел мелкий! Робкий пингвин! Дюбуа сраный! Утконос! Харитошка!

– Зато не дурак, радуйся. Что дальше? – я закрыл пустую банку.

– Пойду Башкиру и Рашпилю звонить, – вздохнул брат.

Башкир и Рашпиль, вечно праздно шатающиеся и ша-стающие по деревне местные злостные лоботрясы, неубедительно строившие из себя ушлых ребят, известные своей дурной привычкой подглядывать за моющимися в банях людьми ухари, подростки – маргиналы, телефонные хули-

ганы, безудержные эрзац-аудиофилы, опоздавшие с эпохой брейк-дансеры, упорно пытавшиеся исполнять брейк под совершенно любую музыку, «братья – панталоны», как называл их наш папаша. Позже их прозвали «Тупой и еще тупее», а еще позже «Два придурка с поросенком». Но это сейчас к делу не относится. Когда-то с ними тусил и маленький горбун Шмыга Адлеркройц, бывший наездник на жирафах – беглец из грузинского цирка – зоопарка, виновный в смерти клоуна, опрометчиво обворовывавшего циркового тигра, безудержно барыжа предназначенное для него мясо, но потом Шмыга исчез, по слухам, похищенный бродячим цирком – шапито известных живодеров братьев Рапашонковых. Как говорится: кто в цирке был, тот в морге не смеется.

– Звони, а я еще краски принесу.

Я пошел за новой банкой. Краска в остальных банках оказалась синей. Я застыл, предчувствуя крупный скандал. Разукрашивания забора в разный цвет родители бы нам точно не простили. Из дома вышел Виталик.

– Позвонил, скоро придут. А ты чего не красишь?

– Краска синяя...

– И что?

– А то, что покрасил я зеленой...

– И что?.. А точно зеленой?! – его глаза бешено заматались за стеклами очков. – Может там синяя?

– Зе-ле-на-я! – отчеканил я.

– Что же теперь делать?! – брат схватился за голову.

– Не знаю... Если только заново покрасить, по зеленому?

– Пошли скорее!

Мы схватили банки и кинулись к забору. Я лихорадочно начал перекрашивать доски. Подошел одетый в футболку с небрежно вышитым толстой сиреневой ниткой на груди енотом загорелый налысо обритый Андрей Башкир, лицом похожий на раздобревшего на вольных оливковых опилках Пиноккио, и, поздоровавшись, стал смотреть на нас. Андрей, прохвост и подхалим, тоже был мальчик со странностями: ходил круглый год в лаптях и с висящем на перекинутой через левое плечо вожже плетеный из липового лыка туесок. В туеске прятал узелок с солью – от сглаза и опасную бритву – от маньяков и пингвинов, которых он боялся просто панически. А еще – деревянную киянку из осины – от кротов – вампиров. И рогатку – впрочем, рогатки тогда почти все деревенские дети таскали, гробя кучу голубей и мелкой живности. Еще он был известен тем, что дома оклеивал стены комнат пачками от импортных сигарет. И родители этой странности не препятствовали. Башкир постоянно оглядывался – опасался нападения какого-то непонятного непарного шелкопряда. На этом нервный тик заработал.

– Витек, что ты делаешь? – не выдержал он.

– Забор крашу.

– Он же покрашен.

– Цвет не тот.

По дороге фланировал Вася Пепа, сын горбуни почти

двухметрового роста счетовода Людки Штепы – Саломон-
зовой. Пепа был старше меня, ростом повыше, фигурой по-
хож на долговязого отощавшего медведя, длинные руки его
при ходьбе болтались заметно ниже уровня колен, но по уму
отставал даже от Виталика и его друзей, обладая интеллек-
том микроба и разумом многострадальной от происков уче-
ных мушки *Drosophila*. Да что там говорить, за его интеллек-
туальный уровень его презирали сами микробы. «Менталь-
ный недовесок», «яичный деструктор», «яйцеедая био-
молекула», «Гоголь – моголь Мценского уезда», и «яичный
рецидивист» называл его наш папаша. Ходил он почти го-
лым: лишь для прикрытия чресел носил подпоясанные вер-
вием украшенные большими накладными карманами длин-
ные черные сатиновые трусы до колена, сшитые матерью,
и босиком. Карманы были набиты всякой всячиной, дрянью
и вздором, не представляющим ни для кого кроме самого
Васи ни малейшей ценности. Кожа Васи вся заросла коро-
стой, цветом, формой и размерами напоминающей крупные
чешуйки зрелой еловой шишки. Под носом гадливо проби-
вались усики, имеющие мшисто-зеленоватый оттенок. Левое
плечо Пепы украшала зеленая татуировка – профиль Стали-
на – по его словам, он татуированным и родился. Единствен-
ной отрадой в жизни Пепы были птичьи яйца. Он не мог
пройти мимо гнезда. Ловко как обезьяна залезал на любое
дерево и прямо там выпивал яйцо, посыпая солью и заедая
черствым хлебом. Уж сколько его гоняли, а все равно. Вый-

дет, оглянется, что нет никого и юрк на дерево! Только пустая скорлупа вниз сыпется. Особо ценил яйца грачей и синичек. Злые языки шептались, что он жрет и змеиные. Трепались даже, что у него два пениса, но проверить из детей никто не рвался. Насчет взрослых – не знаю, но дыма без огня не бывает. Во всяком случае, в марте он всегда умудрялся мочой двойной профиль Сталина на снегу нарисовать. Две параллельные линии... А еще сбивал струей мочи воробьев и голубей. Налету...

Злые языки болтали, что Пепа на самом деле был полу-обезьяной, скрещенной с японским солдатом, пойманым на сопках Манчжурии и сбежавшей из Института; результатом тамошних экспериментов по превращению обезьяны в человека с целью эмпирически подтвердить теорию эволюции. Особенно на эту версию намекал дядя Коля. И когда позже Пепа исчез, говорили, что его просто забрали обратно в Институт.

Увидев нас, Вася важно подошел.

– Здорово, мужики.

– Здравствуй, Вася.

– Чо ты делаешь, Витек?

– Забор крашу...

– Зачем? – Удивился Вася.

– Чтобы мертвые не ходили, – выдал Виталик.

Пепа задумчиво посмотрел на него.

– Забор он как бы спинной хребет, через который мертвые

не могут перелезть, – начал фантазировать Виталик.

– При чем тут спинной хребет? – презрительно скривился Пепа.

– Виталик имел в виду горный хребет. – Попытался выпутаться я. – В горах мертвых нет, про то все знают.

– А ты был в горах?

– Я не был, но читал про них.

– От книжек одна глупость и глаза портятся. – Отмахнулся Вася.

Вряд ли он в своей жизни что-то кроме букваря или азбуки читал. Или сборника анекдотов, в лучшем случае.

– В городе всегда заборы красят, – продолжал Виталий.

– В каком городе? Я был в городе, там заборов не было.

– В этом... в Москве! Ты в Москве был?

– В Москве не был, – признался Вася. – А ты, можно подумать, был.

– У них батя в Москву учиться ездит. Он им и рассказал, – подал голос Башкир.

– Хорошо, – кивнул Вася. – Но то в Москве. В Москве, говорят, кур доят, а коровы яйца несут. А зачем ты по покрашенному красишь? – он небрежно вытащил из пришитого к трусам кармана самокрутку и спички.

– Интересно мне, вот и крашу.

– Странные вы какие-то, – Пепа закурил. – Одно слово – приезжие.

Подбежал Моргуnenок.

– Слышали, – начал он, – кто-то строителей в вагончике закрыл ночью.

– Зачем? – удивился Вася.

– Обокрали их! Кирпичи украли, гвозди и краску!

Все посмотрели на банки.

– Краску?.. – Пепа задумчиво выдохнул дым. – Ну и плунжеры...

– И краску и доски и рубероид! – Частил Шурик, радуясь вниманию. – Скоро милиция приедет!

– Милиция? – Виталик медленно сполз по забору и сел на землю.

– Чего это он? – удивился Вася, показывая на Виталия. – Ну он и штепсель...

– Краски надышался, – буркнул я.

– Это у него от кепки, – не согласился Моргуnenок. – Мамка говорит, что у нормального человека уже давно бы тепловой удар от такой кепки был. Вот – удар. Виталька – нормальный.

– Не нормальный он, забор красит. Ну и кронштейн!

– Это от мертвых и от кротов – вампиров.

– От кротов – вампиров надо колья осиновые в землю вбивать и почаще, – важно заявил Пепа, – а простой забор, хочь даже будет и окрашенный, от них не защитит.

– Через покрашенный забор даже коты – лоси перепрыгнуть не могут.

– Тю. – Вася насмешливо присвистнул. – Да коты – лоси

сигают так, что будь здоров – дай дорогу! Оне хлеще кенгурюков из Австралии сигают, про то тебе любой тут скажет. Расспроси народ, а то будешь как бабка Пихто, ха-ха-ха, придурок!

– Зато от енотов – трупоедов самое то, – не сдавался Шурик, надеясь заслужить наше одобрение. – В городах, где заборы крашенные, зато еноты и не водятся.

– А ты чо, ботаник чо ли? – Насмешливо прищурился на него Пепа. – Ты чо, в енотах – трупоедах понимаешь чо ли? Ну ты и шпингалет! Драник сраный!

– Можно подумать, ты понимаешь?

– А и понимаю. Я, чай, не ты. Еноты в городе не водятся от выхлопов машинных и от плохого воздуха, а не от заборов, – заявил Пепа. – Еноты – трупоеды кроме выхлопов машинных ничего не боятся. А от белок – летяг и вовсе ваш забор не поможет, – задрал руку, указывая на кроны деревьев, – по посадке из леса сюда доберутся и с любого дерева к вам на крышу перелетят. А там уже закинут говна в дымоход и все, угорите ночью.

– Печку только зимой топят, – возразил Шурик, – а зимой белки в дуплах спят, лапы сосут.

– Тогда летом окурок горящий под застреху засунут, – зевнул Вася, – и загорится ваш дом. Никакой забор не спасет, – злорадно заявил он, глядя на Виталика. – Сами потом будете на погорелое собирать и комбикорм жрать.

– При чем тут комбикорм? – не понял Моргуnenок.

– При том, – Пепа плюнул ему под ноги, – при том! Они знают, при чем! Будете, шляпы, петь: увезу тебя я в тундру, – начал мерзко кривляться он. – А вас отовсюду кочергой да метлой поганой гнать будут. И ссаными тряпками! А инопланетяне вообще ваш забор не заметят, пролетят к вам поверху и все дела: насрут на крышу и ее разъест, ха-ха-ха. У них дерьмо едкое, любой шифер прожрет. Будете потом с дырявой крышей, директырыши, ха-ха-ха.

Моргуненок закрипел зубами от злости, но напасть в одиночку на оскорбляющего друзей переростка Пепу не решился. Все-таки Вася был старше и поздоровее, хотя и не шибко умнее. А в том возрасте внешние габариты и масса противника все еще играли существенную роль.

– Насрут вам на крышу, изики, ха-ха-ха. Семитчики!

Все-таки Пепа был ксенофобом и стихийным бытовым антисемитом, возможно, даже сам того не понимая. А может и понимая, от такого переростка всего можно было ожидать.

– Много ты знаешь, – презрительно сказал пришедший в себя Виталик, не терпевший Пепу после кражи у нас яиц. – Яйценос проклятый! Забор любой дурак сделает, даже ты, а чтобы покрасить его – мозги нужны!

– И краска, – поддакнул мелкий подголосок Виталика Моргуненок, спеша поддержать приятеля.

Он тоже сильно недолюбливал Пепу, Виталик его настроил против Васи, опорочив какими-то своими дикими выдумками.

– Это тебе не яйца тырить! – продолжал Виталик. – Ушлепок яичный!

– В кепку тебе говна! – злобно прошипел Пепа. – Самое оно то будет! Сука комбикормная! – не полез за словом в накладной карман расхрабренный Вася. – Так вам поделом будет, приезжие! Очки он напялил, рубильник! – распинался он. – Ботаник! Газету купи, чукча!

Как и большинство коренных аборигенов отпрыск Людки Штепы ненавидел «понаехавших», размывавших здешние традиционные ценности» и привносящих в сложившийся уклад новизну. Такой действительно способен приезжему вилы в бок загнать. Скандал с ментальным яйцеедом был нам вовсе не на руку и мог испортить весь план – мог привлечь нежелательных зевак – свидетелей или взрослых и вообще, простаков облапошивать лучше в тишине; «Без шума и пыли», как говорил герой Папанова в «Бриллиантовой руке». Тем более, Виталий уже нащупывал в ведре кисть, с ненавистью глядя на Пепу. Еще ткнет кистью в глаз – так и до милиции недолго. А кто будет отвечать? Ясное дело – старший брат – я. А Пепа опустил руку на карман. А ну как у него там ножик? И до поножовщины дойдет? Опять же – милиция. И кто в таком случае будет виноват, что Виталика порезали? Опять же, старший брат – я. в любом случае, если дойдет до милиции, мать меня со свету сживет. И оставит мои останки на съедение голубям. Надо было пресечь инцидент на корню, пока не стало мучительно поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.